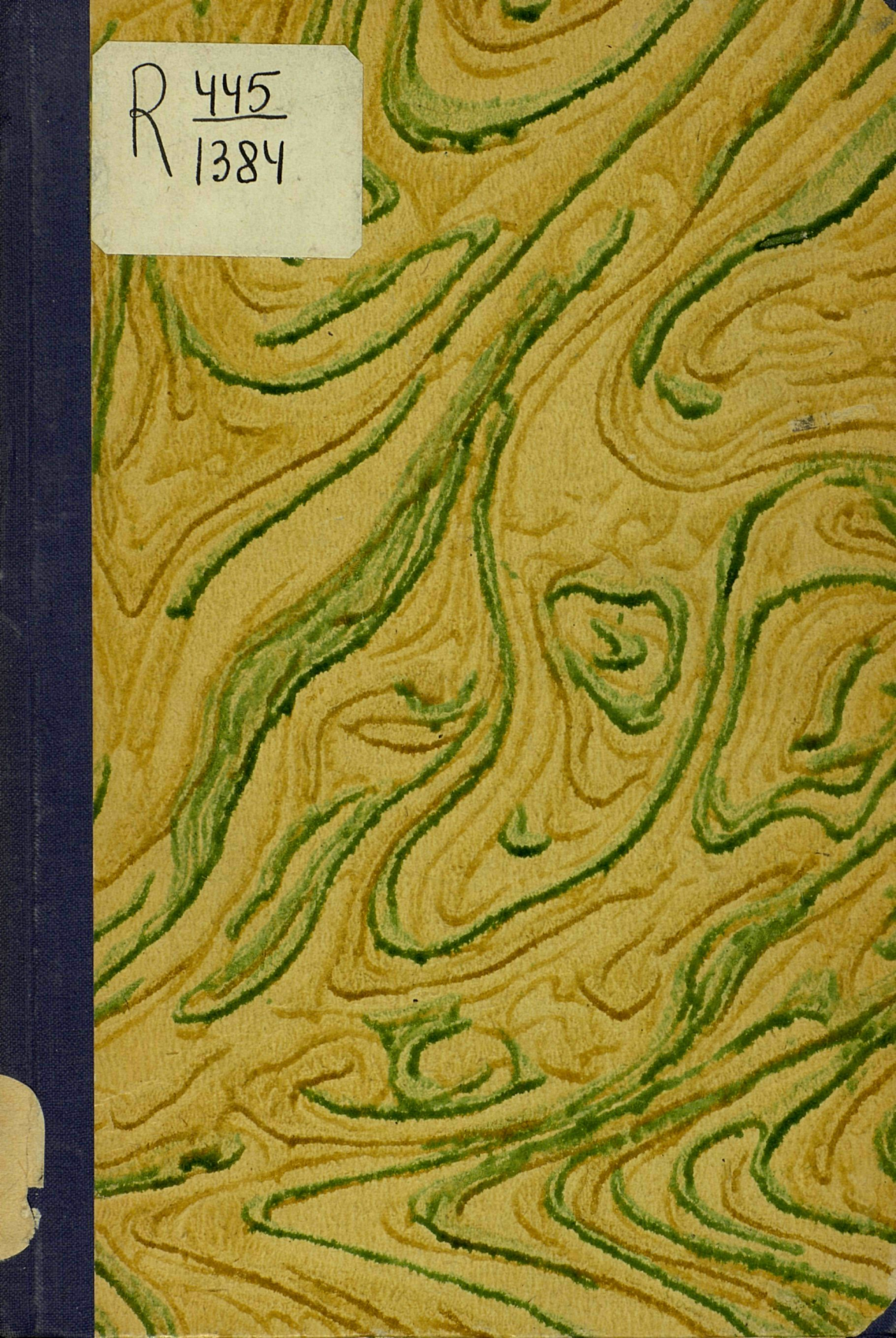

R 445
1384

R 445
1384

К. РЫЧКОВЪ.

СКАЗКИ СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

№ 2.

ПЕТРОГРАДЪ.
===== 1917.

R 445
1384

жм

ЗАЙКА

АЖНАЕ

2007042860

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

9352-69

Зайка

Самопдская сказка.

Наступили лютые морозы. Лѣсъ точно замеръ и одѣлся въ бѣлый снѣжный пухъ.

Звѣри и птицы попрятались по логовамъ и уснули.

Только зайка мороза не боится. Весело онъ бѣгаетъ по лѣсу прислушивается къ каждому шороху; не любитъ онъ спать.

Попнетъ могучее дерево отъ морозу или со страшнымъ гуломъ треснетъ земля, зайка вздрогнетъ, запрядетъ ушками, присядетъ на заднія лапки, оглядится по сторонамъ и снова побѣжитъ по лѣсу.

Бѣжитъ однажды такъ зайчикъ по лѣсу, видитъ у молодой сосны теленочекъ лежитъ. Поднялся зайка на заднія лапки, осмотрѣлъ его внимательно: теленочекъ мертвый.

Замерзъ бѣдняга... думаетъ зайка, а ближе подбѣжать къ теленочку не рѣшается.

Оглянулся зайка по сторонамъ, а отъ опушки лѣса къ нему лиса тихохонько подкрадывается, къ землѣ пригинается. Испугался зайка, затрясся отъ страху, хотѣлъ было бѣжать, что есть силы, да ноги отъ страху отнялись, не слушаются. А лисица крадется къ нему да ласково такъ улыбается.

Поклонился зайчишка лисѣ и говорить: „лисынъка, я теленочка нашель!“

— Гдѣ?—спрашиваетъ лиса.

— Вонъ, у молодой сосенки!—отвѣчаетъ зайчикъ.

Подбѣжала лиса къ теленку, обнюхала его и говорить зайчишкѣ: неудобно кушать мерзлаго. Бѣги, косою, скорѣе по моему слѣду къ рѣкѣ, тамъ живетъ старикъ со старухой, попроси у нихъ огниво и труть!

Кинулся зайка бѣжать къ старикамъ, ногъ подъ собой не слышитъ отъ радости, что такой коварный звѣрь, какъ лиса, отпустила его, не отняла у него шубки тепленькой.

По слѣду лисы скоро прискакалъ онъ къ балагану стариковъ и ошалѣлый отъ радости вихремъ ворвался въ него.

Старикъ въ это время дремалъ у очага, покуривалъ трубку. Отъ неожиданности у него даже трубка выпала изо рта, а старуха, починавшая себѣ платье, больно уколола иглой палецъ.

— Эхъ, пострѣленокъ, какъ напугалъ насъ! Зачѣмъ пожаловалъ?—вскрикнулъ старикъ.

— Одолжите мнѣ поскорѣе труть и огниво!—отвѣчаетъ зайчикъ.

— Зачѣмъ тебѣ огниво?—удивляется старикъ.

— Труть для чего тебѣ? Развѣ куришь? Смѣется старуха.

— Тутъ, у опушки лѣса я теленочка нашель, мы съ лисынькой хотимъ поджарить мяска на вертелѣ, отвѣчаетъ зайчикъ.

Какъ услышали это старики, старуха заплакала.

А старикъ какъ закричить на зайчишку: э, такъ ты моего теленочка хочешь поджарить? Его мяскомъ хочешь полакомиться? Вотъ же тебѣ!—И онъ бросилъ ножомъ въ зайку. Но зайка увернулся, и ножъ задѣлъ его только по хвосту. Отлетѣлъ прочь у зайки хвостикъ.

Влетѣлъ безъ памяти зайка изъ балагана.

Больно ему, кровь струйкой на снѣгъ бѣжитъ. Скачетъ зайка все дальше и дальше, а оглянуться назадъ не рѣшается. Наконецъ не выдержалъ, покосился на свой хвостъ и увидѣлъ, что вмѣсто роскошнаго, длиннаго и пушистаго хвоста у него остался только маленькій кусочекъ...

Съ того времени зайчики и стали родиться куцыми.

Заболѣлъ зайка и пролежалъ всю зиму въ норкѣ. Все думалъ: плохое житье наше заячье... Много враговъ у насъ: и филинъ, и ястребъ, и волкъ, и лисица, и собака, и человѣкъ, да всѣхъ и не перечесть.

Всѣ они стараются обидѣть насъ, а за что?

Нѣтъ у насъ защиты противъ нихъ никакой. Одно наше спасенье въ бѣгствѣ, отъ каждаго встрѣчнаго бѣжать со всѣхъ ногъ, что есть силы, безъ памяти, безъ оглядки.

Пришла весна. Подуло теплымъ вѣтромъ, зажурчали ручейки, зазеленѣла травка, налились почки тальника. Хвостъ у зайки зажилъ. Перемѣнилъ онъ шубку бѣленькую на сѣренькую и рѣшилъ переселиться изъ зимней норки въ тальникъ за болотомъ. Прибѣжалъ онъ къ болоту, видитъ дѣти старика, который отрубилъ ему хвостъ, стрѣляютъ изъ лука. Испугался зайка охотниковъ и пустился бѣжать по болоту. А болото было травянистое. Въ попыхахъ зайка и не замѣтилъ—какъ разрѣзалъ себѣ осокой верхнюю губу.

Съ того времени зайчики стали родиться съ разсѣченной верхней губой.

Только выбѣжалъ зайка изъ болота, а передъ самымъ его носомъ какъ прыгнетъ какой-то звѣрокъ, маленькій-маленькій, безобразный такой да противный. Зайка повернулъ назадъ и побѣжалъ снова въ лѣсъ.

А навстрѣчу ему медвѣдь идетъ.

Увидѣлъ онъ зайку и спрашиваетъ: „отчего у тебя хвоста нѣтъ?“

— Старикъ отсѣкъ!

— Отчего морда въ крови?

— Носъ порѣзалъ осокой, дѣдушка!

— Куда-же ты путь держишь? — спрашиваетъ медвѣдь.

— Да и самъ не знаю куда, дѣдушка! Хотѣлъ я въ тальничкѣ

почевать, да встрѣтилъ тамъ диковиннаго звѣря. Не къ добру это. Вотъ я и побѣжалъ обратно.

— Покажи мнѣ его!—говорить медвѣдь.

— Пойдемъ, дѣдушка, покажу!

Отправились оба къ болоту.

— Гдѣ же, спрашиваетъ медвѣдь, твой диковинный звѣрь? Я что то не вижу?

— Смотри, дѣдушка, хорошенько! Вотъ онъ! — отвѣчаетъ зайчишка, а самъ прячется за медвѣдя.

Да вѣдь это лягушка!? говоритъ медвѣдь и такъ захохоталъ во все горло, что даже птицы послетали съ деревьевъ.

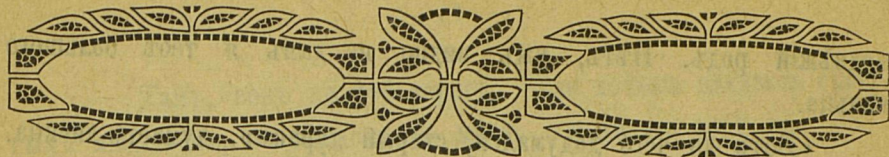
Обомлѣлъ зайка отъ страха и шмыгнулъ въ тальникъ.

Оглянулся медвѣдь, хотѣлъ утѣшить да приласкать его, а зайки и слѣдъ простылъ.

К. Рычковъ.

ЛИСИЦА и МЕДВѢДЬ

Лисица и Медвѣдь

Тунгусская сказка.

Лежить лиса въ своемъ логовищѣ и думаетъ: запасы истощились, добычи нѣтъ; два дня уже ничего не ѣла,—что бы такое предпринять?

А надъ ней кружится стая вороновъ.

Притворилась лиса мертвой, хвостъ опустила, глаза закрыла, ноги вытянула,—какъ есть дохлая—лежить не шелохнется,—волосокъ не дрогнетъ.

Только не такія глупыя птицы и вороны, чтобы попасть въ лапы голодной лисѣ. Полетали онѣ надъ ней, покружились, покаркали и улетѣли прочь.

Не удалась на этотъ разъ хитрость лисѣ. Встала она со своего логовища, сжала отъ досады бѣлые зубки, тряхнула своимъ пушистымъ хвостомъ и поскакала въ лѣсъ.

Бѣжитъ она, озирается, чуть слышитъ гдѣ шорохъ—прислушивается, зорко всматривается по сторонамъ.

Добѣжала она такъ до опушки лѣса и видитъ: медвѣдь Богу молится.

— Дай, говорить, мнѣ, Боженька, большой палецъ къ рукамъ!

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Богъ, если я тебѣ подамъ большой палецъ, то ты истребишь родъ человѣческій... Или мнѣ придется подать лукъ и стрѣлу собакамъ, которая послѣ этого истребитъ весь

медвѣжій родъ. Нѣтъ, ужъ видно не дамъ я тебѣ большого пальца.

«Вотъ до чего додумался, старый дуракъ», думаетъ лисица. Просить большой палецъ, какъ у людей... Должно быть отъ людей работу перенять хочеть... Какъ бы мнѣ одурачить этого увальня?

Подбѣжала она къ медвѣдю, поклонилась ему низко-низко и говорить:

— На что тебѣ, дѣдушка, большой палецъ, ты и такъ мало чѣмъ отличаешься отъ людей,—развѣ только тѣмъ, что они умѣютъ плевать... Не слыхалъ ты никакихъ новостей?

— Не слышалъ!

— Такъ, послушай, что я тебѣ расскажу! Видишь вонъ ту широкую дорогу?

— Вижу,—говорить медвѣдь.

— Я только что оттуда вернулась. А что видѣла и слышала тамъ, про то боюсь и рассказывать...

— Ничего, говоритъ медвѣдь, рассказывай!

— Только ты на меня не сердись, дѣдушка!—Не свои я рѣчи говорить буду...

Рывнувшись медвѣдь на лисицу и говорить: ну, чего ломаешься? Сказано—говори!

Испугалась лиса реву медвѣжьяго, подобрала подъ себя свой пушистый хвостъ и начала говорить вкрадчиво, да ласково:

— Милый сосѣдусь! всѣмъ извѣстно, что сильнѣе тебя у насъ никого по всему лѣсу нѣтъ, а справедливѣе—по всей землѣ не сыскать... Однако есть такіе глупцы, что всячески ругаютъ тебя и говорятъ разныя небылицы. Даже слушать срамъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, говоритъ медвѣдь. Кто же это смѣетъ поносить меня?

— Люди, дѣдушка!

— А гдѣ ты ихъ видѣла?

— Тамъ, вонъ на той дорогѣ! Если хочешь наказать скверныхъ людшекъ, то пойдемъ со мною,—я укажу тебѣ ихъ.

— Наказать слѣдуетъ,—согласился медвѣдь.

Отправились лиса и медвѣдь на большую дорогу.

— Видишь черемушникъ густой, говоритъ лиса. Тамъ мы спрячемся. По этой дорогѣ много ходитъ народу.

— Ладно,—отвѣчаетъ медвѣдь.

Не успѣли они устыться въ укромномъ мѣстечкѣ,—видятъ,—старичекъ идетъ: сѣденькій, старый-старый, на одну ногу прихрамываетъ, на костыль опирается. Ткнулъ медвѣдь легонько лисицу въ бокъ и спрашиваетъ:

— Это человѣкъ идетъ?

— Какой это человѣкъ?—отвѣчаетъ лисица. Былъ когда-то человѣкомъ, а теперь и половины человѣка нѣтъ... Пускай идетъ своей дорогой, Богъ съ нимъ... а мы еще подождемъ.

Сидятъ медвѣдь съ лисицею, поджидаютъ людей, на дорогу посматриваютъ. Медвѣдя отъ скуки ко сну клонить стало. Но только Миша зѣвнулъ всласть, какъ лисица ткнула его въ плечо и говорить: «тише, Миша! На дорогу кто-то выходить!»

А по дорогѣ шелъ мальчикъ-сиротка, бродившій по деревнямъ за подаяніемъ.

Оглядѣлъ Миша мальчика и спрашиваетъ:

— Неужели это человѣкъ?

— Какой это человѣкъ, отвѣчаетъ лиса: когда-то еще будетъ человѣкомъ, а теперь и четверти человѣка нѣтъ... Пускай себѣ идетъ своей дорогой, Богъ съ нимъ, а мы еще подождемъ...

Снова стали они ждать человѣка. Медвѣдю уже надоѣло сидѣть и онъ началъ сердито ворчать.

Въ это время, на дорогу, на бѣломъ конѣ выѣхалъ молодой витязь. За спиной у него колчанъ со стрѣлами, а въ рукахъ лукъ самострѣлъ.

Ткнула тогда лисица медвѣдя въ бокъ и говорить: «Вотъ, это — человѣкъ!»

Выскочилъ Миша изъ засады, поднялся на заднія лапы да какъ рывкнетъ!

Конь витязя шарахнулся въ сторону, а у лисы отъ страха даже шерсть дыбомъ поднялась.

Осадилъ коня удалый витязь, выдернулъ изъ колчана острую стрѣлу и пронзилъ ею медвѣдя въ самое сердце.

Грохнулся Миша на земь съ ревомъ, — смерть пришла.

А молодой витязь поѣхалъ своей дорогой.

Подбѣжала лисица къ медвѣдю и давай его утѣшать: «просиль-бы ты, Мишенька, у Бога не палець, а ума-разума. Не случилось-бы съ тобой этого!» А сама рада-радешенька: зубами щелкаетъ лапки свои потираетъ отъ удовольствія. Хватить теперь ей поживы на долго...

К. Рычковъ.

СОНЪ КУКУШКИ

Сонъ Кукушки

Юрская сказка.

Погода стояла дурная. Все небо заволокло тучами и съ утра до ночи моросилъ дождь. Потемнѣло въ лѣсу, деревья стали сѣрыми и мокрыми, а въ чащѣ завывалъ вѣтеръ.

Въ дурную погоду сны снятся.

Уснула и вѣщунья-кукушка и увидѣла странный сонъ.

Будто она уже не птица, а женщина, которая сидитъ не на лѣсинѣ, а въ теплой избушкѣ и прядетъ нитки. Около нея играетъ двое ея дѣтей. Захотѣла она пить и говорить дѣтямъ: дѣтки, подайте воды напиться!

Дѣти играли и не слышали ея просьбы.

Долго она ждала, когда дѣти принесутъ ей воды и, недождавшись, снова имъ крикнула: дѣтки, принесите воды напиться!

Дѣти такъ увлеклись игрой, что опять не слышали ея.

А она все прядетъ да и терпѣливо ждетъ, когда ея дѣти принесутъ ей воды напиться.

Наконецъ она вышла изъ терпѣнія и осердилась: хлопнула въ ладоши—и у ней появился хвостъ; всплеснула руками—и у ней выросли крылья.

— Ку-ку—вскрикнула она и полетѣла...

Долго-ли-коротко-ли летѣла кукушка, неизвѣстно.

Встрѣтила она рябчика и спрашиваетъ: отчего, рябушка, ты маленькимъ сталъ?

— Боженька наказалъ,—отвѣчаетъ рябчикъ.

— Какъ, такъ?

— Да такъ, — отвѣчаетъ рябчикъ. Сидить однажды Боженька здѣсь на чистомъ пенекѣ и о чемъ-то глубоко задумался. Въ это время я спорхнулъ съ дерева, чуть не подъ самымъ его ухомъ. Боженька разсердился, что я его потревожилъ и убавилъ за это отъ меня мяса, оставилъ только по бокамъ. А взятое отъ меня бѣлое мяско прилѣпилъ къ грудинкѣ тетерева. Послѣ этого мы сдѣлались маленькими, а тетерева большими и мы стали считаться роднею.

— Бѣдный рябчикъ! Сказала кукушка, спорхнула и полетѣла дальше. Навстрѣчу ей птицы уже летѣли на югъ. Въ лѣсу остался только тетеревъ, да и тотъ, увидѣвъ улетающихъ лебедей, горько заплакалъ и сталъ проситься съ ними летать на зиму въ теплыя страны.

— Возьмите меня, бѣлыя лебеди, съ собой въ теплыя страны!

— Отстанешь! — отвѣчаютъ лебеди.

— Нѣтъ, не отстану!

— Хорошо, полетимъ! согласилась тогда одна лебедь.

Полетѣли они, а слѣдомъ за ними полетѣла и кукушка.

Сначала тетеревъ хорошо летѣлъ съ лебедями, но скоро выбился изъ силъ и сталъ отставать.

Пожалѣла его лебедь, дотащила до первой остановки и говорить:

Тетеревъ, тетеревъ! Оставайся лучше здѣсь на зиму!

Всѣ улетимъ, кто-же здѣсь будетъ жить въ лѣсу?..

Заплакалъ тетеревъ: Нѣтъ, не останусь я здѣсь! Не хочу оставаться!

— Здѣсь ты боишься холода, а въ тепломъ краѣ ты умрешь отъ жара! Останься, тетеревочекъ! Я подарю тебѣ бѣленькія перышки, только останься!

— Правда, подарить мнѣ бѣленькія перышки? — не вѣрить тетеревъ.

— Правда, тетеревочекъ! — отвѣтила лебедь и, выдернувъ у себя изъ крыльевъ по два маленькихъ перышка, воткнула ихъ въ крылья тетереву, чтобы только тетеревъ отсталъ отъ нея.

Тетеревъ послушался лебедя и остался.

Только съ того времени у тетерева отъ слезъ покраснѣли глаза и брови, а въ крыльяхъ появились бѣленькія перышки...

Отдохнули бѣлыя лебеди и полетѣли дальше.

Слѣдомъ за ними полетѣла и кукушка. Не успѣла она долетѣть до опушки сосѣдняго лѣса, а навстрѣчу ей летитъ ястребъ. Испугалась кукушка ястреба, да такъ сильно, что со страху у ней отвалились и крылья, и стала она опять женщиной...

Летитъ стадо гусей и говорятъ ей гуси: полетимъ съ нами!

— Я бы рада полетѣть съ вами, да крылышекъ у меня нѣтъ! — отвѣчаетъ женщина.

Выдернули гуси у себя по перышку и приклеили женщинѣ. Высоко поднялась она съ гусями.

Летѣли, летѣли гуси и прилетѣли къ ея избушкѣ.

А тѣмъ временемъ дѣти ея уже подросли. Увидѣли они гусей. Схватили ружья и хотѣли стрѣлять, а мать какъ закричить имъ:

— Не стрѣляйте, мои милые дѣточки, это я ваша маменька!...

Въ это время въ лѣсу громко захохоталъ филинъ. Лѣсъ подхватилъ этотъ хохотъ и передразнилъ...

Вздрогнула кукушка и открыла глазки. Тучъ уже не было и занималась заря; капельки вчерашняго дождя блестѣли на солнцѣ, тицы и звѣри просыпались.

Проснулась и кукушка и подумала: какіе иногда въ ненастье интересные сны снятся.

К. Рычковъ.

Типографія т-ва Птгр. печатнаго произв. І. Р. Бѣдопольскаго и Ко, Лиговская, 57.

Безплатное приложеніе къ журналу „Жаворонокъ“.

105
26.11.01

2007042860